

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

№ 5 (41)
сентябрь
октябрь
2016

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в два месяца

Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Пачатковая школа”»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Ольга Владимировна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абламович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н. А. ЗАЛЫГИНА,
заместитель главного редактора,
кандидат социологических наук, доцент;
Н. Л. ПУЗЫРЬ,
ответственный редактор, кандидат
психологических наук;
С. Ф. БЕДРИНА, кандидат
социологических наук, доцент;
С. В. ВАШИНА;
С. И. КОПТЕВА, кандидат
психологических наук, доцент;
Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических
наук, профессор;
Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических
наук, профессор;
О. В. МАТЮХОВА;
М. Е. МИНОВА;
С. И. НЕВДАХ, кандидат
педагогических наук, доцент;
А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических
наук, профессор;
Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат
психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ,
председатель, доктор философских
наук, профессор;
А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических
наук, профессор (РФ);
Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических
наук, профессор;
Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;
А. С. ЛАПТЁНОК, доктор философских
наук;
П. МЕРИНГОЛО, профессор
департамента психологии (Италия);
Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат
педагогических наук;
Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор
психологических наук, профессор;
И. А. ФУРМАНОВ, доктор
психологических наук, профессор;
Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии
(США);
В. А. ЯНЧУК, доктор психологических
наук, профессор

ПЕРЕЖИВАНИЕ: ПУТЬ ОТ ПОНЯТИЯ К КАТЕГОРИИ

«Предмет психологии как гуманитарной науки — выразительное и говорящее бытие, где концепция «переживание» служит преодолению страдания и одиночества».

Л. А. Пергаменщик

Понятие «переживание» в психологии имеет непростую судьбу. Его то активно продвигают на авансцену психологических изысканий, то отправляют на периферию по причине трудностей операционализации как понятия и формализации как психологического феномена. Уже у С. Кьеркегора экзистенция понимается как форма переживания [1]. Представлено вполне отчетливо в качестве научной проблемы в работе В. Дильтея «Описательная психология» [2] переживание было подхвачено экзистенциалистами, феноменологами и стало для них одним из центральных понятийном тезаурусе. Э. Гуссерль, например, характеризует сознание как переживание человеком своего жизненного мира [3]. Большое значение переживания имели и для гуманистической психологии (К. Роджерс [4], А. Маслоу [5]), и для психоанализа [6], и для гештальттерапии Ф. Перлза [7], хотя в этих подходах само переживание как целостный конструкт анализировалось вскользь, а фокус внимания удерживался на механизмах и многих феноменах переживания, которые оценивались с точки зрения личностной зрелости, самореализации, психологического благополучия и психического здоровья. В советской

**Сергей
Никифорович
ЖЕРЕБЦОВ,**

*доцент
кафедры психологии
Гомельского
государственного
университета
им. Ф. Скорины,
кандидат
психологических наук,
доцент*

психологии проблематикой переживания занимались С. Л. Рубинштейн [8], Б. М. Теплов [9], Л. И. Божович [10], Ф. В. Бассин [11, 12], Ф. Е. Василюк [13]. Но еще до них особое место категория «переживание» получила в теоретической системе Л. С. Выготского [14]. Наверное, огромную роль переживаниям Л. С. Выготский отводил потому, что рассматривал их в качестве собственно психологического феномена (можно даже было бы сказать — наиболее психологического), играющего существенную роль в развитии личности, имеющего природную (физиологическую) и культурную (социальную) обусловленность, но никак не сводимую ни к физиологии человека, ни к его социальной жизни. Для позиционирования переживаний в качестве полноценного предмета

психологических исследований и необходимо обращение именно к культурно-историческому подходу.

Около 45 лет назад на страницах журнала «Вопросы психологии» развернулась дискуссия вокруг проблем, поднятых в статье Ф. В. Бассина «О развитии взглядов на предмет психологии» [12]. В данной публикации автор обосновывает необходимость изучения психологией таких проявлений психического, которые менее всего поддаются формализации и именуются им «значимыми переживаниями». Это другая, отличная от психологии «функций», линия, «видящая в неформализуемости психологического его основную характеристику...» [12, с. 109].

Мы, безусловно, разделяем мнение Ф. В. Бассина о том, что психология должна, наконец-то, всерьез заняться изучением переживаний (и через полстолетия призыв ничуть не потерял своей актуальности), а также его соображение о том, что это должно быть особое по своему характеру и методологии изучение. Автор отмечает факт слабой разработанности методов их анализа, а также принципиальную нерасчетливость переживаний и ситуации, его вызвавшей, слитность переживания и смыслового контекста, в котором оно разворачивается, указывает адекватные, на его взгляд, способы изучения переживаний и диалог. Именно в игре и диалоге актуализируются переживания во всей своей реальности и цельности, поэтому говорить об уместности этих исследовательских способов было бы излишним. Мы, в дополнение, предлагаем обратить внимание еще на одну исследовательскую стратегию, в рамках которой могут и должны анализироваться переживания. Речь идет об изучении переживаний в контексте культуры и истории, в культурно-историческом подходе. Культурно-истори-

чно предлагает такой способ изучения, который наиболее адекватен именно для исследования переживаний, которые являются психологическим феноменом, но строятся на основе культурных средств, в различных исторически заданных культурных контекстах.

Историк М. Блок, представитель школы «Анналов», пишет: «Настоящий историк похож на сказочного плутодея. Где пахнет человечинкой, там, он знает, его ждет добыча» [13]. Но если в большей мере эти слова относятся к психологу. Психологическая наука без такой добычи есть, по словам Дж. Бюдженталя, «предательство человечности». Психология должна проблематизировать не только формализованную, внешнюю по отношению к человеку реальность, сколько максимально возможную глубину его собственной реальности. Но, подчеркивая уникальность, приватность и даже интимность переживаний, мы полагаем, что они представляют собой ярко выраженный социально-психологический феномен, т. е. имеют социально-психологический генезис и социально-психологическую онтологию. В переживаниях диалектически сходятся два принципа бытия психического: принцип непосредственности (экзистенциализм, феноменология) и принцип опосредованности (культурно-историческая психология, транзакционализм, конструктивизм, диалогическая традиция в психологии). Ведь переживание — это интенциональная, основанная на потребностях, эмоционально заряженная и в то же время осмысленная, операционализируемая деятельность субъекта по поводу изменений в его жизни. Динамика жизненных контекстов, обусловленная событиями жизненного пути, вызывает необходимость переживаний. В связи с этим не будет казаться парадоксом, что и валидность, и надежность в изучении переживаний именно в гуманитарном

исследовании, в диалоге психолога и его собеседника, в интерпретации этого диалога получают максимальное выражение [16]. А вот при стандартных процедурах, измерениях и взвешиваниях, при нерелексивном, бездушном использовании всевозможных техник мы теряем переживающую личность.

Категория «переживание» позволяет преодолеть формализм в психологии. Многие исследователи, особенно в области дифференциальной психологии, игнорирующие переживания личности, содержание ее психологической жизни, приходят к выводам о том, что между разными людьми (в возрастном, социальном плане) различия имеют только количественный характер, и что в функциональном плане, в плане механизмов психологической жизни, люди одинаковы. Внимание к переживанию человека снимает эту иллюзию универсальности психологического функционирования. Переживание в каждом возрасте, для любого человека по своему механизму специфично. Оно эту специфичность имеет в зависимости от того, субъектом какой ситуации и каким субъектом человек себя осознает. И в этом процесс данного осознания происходит не иначе как в переживании.

Все формальные интеллектуальные операции становятся в силу аффекту — комплексному мотивационно-эмоциональному образованию. У человека это образование с помощью языка способно превращаться до смысловой системы. Смысл — есть тот феномен, на формирование или изменение которого направлена работа переживания. Изменение аффекта, его трансформация в смысл востребует и новых интеллектуальных операций. Именно в этом плане Выготский и говорил о единстве аффекта и интеллекта. Если аффект может просто реализоваться и потерять свою актуальность, то смысл никогда не реализуем полностью. Его особое свойст-

во — трансформация по мере осуществления. Актуальность смысла — свидетельство незавершенности самого человека, «вечной неготовности бытия», как выразился М. М. Бахтин.

Переживание необходимо человеку, так как ни врожденные (инстинкты, потребности), ни приобретенные (привычки, навыки, знания), ни нормативные (регламентированные социумом) факторы сами по себе не способны определить его активность. Совокупность этих факторов адекватна субъекту — личности, которая в процессе переживания (сочетания всех факторов) на свой страх и риск, под свою ответственность принимает решения. Личность в силу своей возможности (способности) видеть эти факторы в единстве т. е. отвлеченно, обобщенно, в понятие определяет форму и меру необходимой и возможной активности. Как видим, переживания, их характер, зависимы от степени обобщенности мышления и владения понятиями, от способности человека быть субъектом своей жизненной ситуации или жизни в целом.

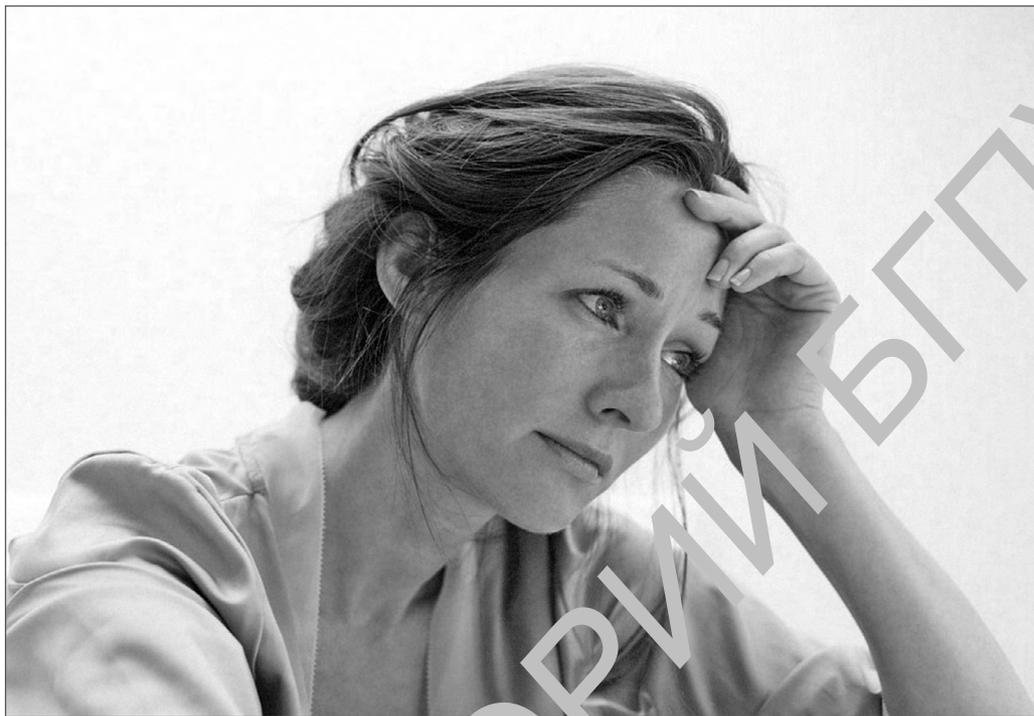
Переживания в горизонте личности — это феномен, который конституируется мышлением на основе понятий. Разрушение понятийного мышления — симптом кризисного положения человека, его непростого душевного состояния. Так, анализируя истерию, афазию, шизофрению, Л. С. Выготский утверждал, что «между функцией расстройства понятий и изменением переживаний существует прямая причинная связь» [14, с. 169]. При этом нарушение мышления в понятиях делает человека реактивным, рабом ситуации, он регрессирует, у него нет выбора и свободы: «Достаточно от мышления в понятиях, — пишет Л. С. Выготский, — перейти к мышлению в комплексах — а именно это мы наблюдаем при истерии, — как мы непосредственно опу-

скаемся на другой, генетически более ранний способ ориентировки в действительности и самих себе. Вот почему спутанная картина в восприятии и осмысливании внешней действительности, картина собственных переживаний и самосознания личности являются прямым следствием расстройства функции образования понятий. В чем выражается это расстройство? В том, что единая и сложная по построению функция образования понятий распадается в силу известного закона и обнажает сохраненные в ней в качестве постоянной подкладки мышления комплексные формы интеллектуальной деятельности. С переходом к более ранней функции мышление изменяется со стороны содержания и переживания как внешнего мира, так и своего внутреннего мира» [14, с. 169]. Т. е. переживание может быть отнесено к разным уровням психической жизни. При психической травме нарушается именно понятийное мышление, человек регрессирует к переживанию отдельных, разрозненных впечатлений, образов, ситуаций. И только переживание себя субъектом жизни, восприятие целостности мира, непрерывности своей жизни вновь может вернуть человека к свободному и здоровому существованию.

Переживания, таким образом, в здоровом варианте отнесены к личности, они возможны только в сфере реализации человеком его собственной человеческой способности быть субъектом. Здоровый человек — это человек развивающийся. Но что заставляет его рисковать, самостоятельно (а не по схеме, не по форме и не по инстинкту) определять позицию в жизни? Ответ очевиден: экспансия самой жизни. Жизнь человека имеет возможность взрывной экспансии, так как все живое в нем приумножается культурными средствами. «Психозойская эра», о наступлении которой говорят многие современные

мыслители, — это когда человек становится способным культурными средствами расширять пространства (физические и смысловые) своей жизни. Психика образованного человека, прошедшего в мир культуры, имеет такую взрывную динамику развития, что кардинально отличается от эволюционного развития жизни всех других организмов. Не случайно Аристотель заметил, что разница между образованным и необразованным человеком такая же, как между живым и мертвым. Жизнь в осознанном усилии приумножает сама себя (кстати, в этом же осознанном усилии она способна и к самоуничтожению). Человек культурно вооруженный, способный в работе переживания и с использованием не только житейских, но прежде всего научных понятий делать изок жизни предметом преобразования будет «думой думу развивать», он в самой этой рефлексивной позиции видит не только действительное, но и возможное. Сама эта позиция и обязывает человека на переживания как на постоянную работу по согласованию действительного и возможного, а также, что важнее, по превращению возможного в действительное. Переживание, связанное с осмыслением жизни, позволяет осуществить «движение от данного конкретного к созданному конкретному» [14, с. 216]. Созданное конкретное — результат творчества, которое связано с условиями жизни, но определено внутренней активностью. Эта внутренняя активность и есть то, что называют внутренним миром. Переживания в этой связи выступают способом существования внутреннего мира. Переживания есть свидетельство жизни.

Сознание образованного, культурного человека — это орган его свободы, это дышащее пульсациями море возможностей. Кризисность и драматизм положения такого человека в том, что только некоторые из этих возможностей

могут быть реализованы (жизнь имеет свои пределы).

Смыслы не приобретаются, не заимствуются у кого-то, они выстраиваны в развитии. Поэтому переживания характеризуют человека как развивающееся существо. И напротив, если человек развивается, он неизбежно будет переживать. Обучение, выбор, переживание, развитие, свобода — сущностные характеристики человека. Человек — существо историческое. Характер переживания всегда указывает, в какой точке истории человек находится (а также и то, в какую историю он попал).

Рефлексивное переживание — это форма приспособления к высшей социальной жизни, к культурному образу жизни. Однако оно быстро преодолевает эту утилитарную адаптивную функцию, превращаясь в процесс преобразования жизни, процесс жизнетворчества. Рефлексивное переживание в своем преобразующем отношении есть игровое переживание.

Современный человек — это человек с ослабленным, а часто и атрофированным игровым переживанием. Чтобы играть, творить, надо осознать. Чтобы видеть возможности, надо иметь целостную картину мира и своей жизни. Это — мировоззрение, которое возникает не при действительном (практическом), не при образном (художественном), а именно при понятийном мышлении, интегрирующем в себе и практическое, и художественное. У типичного современного человека нет внутренних возможностей для творчества и произвольного поступка, он — человек ситуации. Реклама говорит ему: «Приди и купи», политики велют: «Приди и голосуй», священники наставляют: «Просто верь».

Л. С. Выготский изучал подобные ситуации: «В наших исследованиях мы наблюдали, как подобные больные попадают в неразрешимое для них затруднение: когда им предлагают произвести любое действие, сказать что-либо, нарисовать что-нибудь, они

всякий раз просят, чтобы им указали: что сделать, что сказать, иначе они не могут справиться с задачей. Так же точно, когда афазика поручают сделать что-нибудь, что он может начать с любого конца, задача оказывается для него неразрешимой..., потому что афазик не может найти отправную точку, он не знает, с чего начать» [14, с. 201]. Без свободы мышления, возникающей у субъекта в связи с образованием понятий, воображение и творчество, игра теми данностями, которые предлагает жизнь, падают до нуля. Внутренний мир человека сужается, усыхает, человек превращается в «домашнее животное».

Отнесение переживания к личности, отстаиваемое в культурно-историческом подходе, преодолевает трактовку переживания как подчиненную только эмоциональной реакции, когда переживание выступает аспектом эмоции. Если мы имеем дело с таким зауженным пониманием переживания, то, безусловно, переживание не может претендовать на роль категории. Оно — понятие грядущих многих служебных понятий психологии (потребность, интерес, ощущение и др.). При этом сама психология как система начинает уподобляться палеонтологии и неизбежно будет строиться в позитивистском ключе. Приведем несколько примеров помиривания переживания как проявления аффективной активности.

К. К. Платонов [17] определил переживание как простейшее субъективное явление психическую форму отражения, являющуюся одним из трех атрибутов сознания (имеется в виду эмоциональный атрибут); Р. С. Немов [18] считает, что переживание — это ощущение, сопровождаемое эмоциями; Ч. Кроггер также пишет о переживании как об исключительно эмоциональном феномене [19]. Ближе к этому и понимание переживания Л. М. Веккером [20]. Для него переживание — это непосред-

ственное отражение самим субъектом своих собственных состояний, а не отражение свойств и соотношений внешних эмоциогенных объектов.

Однако переживание человека как субъекта своей жизни (Человека пути, по выражению А. А. Пузыряя) без рефлексивной деятельности немыслимо. Как мы пытались показать выше, человек как субъект развития и субъект жизни должен быть понят как субъект переживания. И в этом перспективе переживание есть центральная категория психологии, о чем писал 45 лет назад Ф. В. Бассини и другой — Л. С. Выготский. Такие переживания обеспечивают единство всех психических функций через личность. Через личность переживания интегрируются, являясь отнесенными к субъекту, они разворачиваются не столько вокруг наличной ситуации, сколько вокруг возможной, они получают иное свойство, будучи интегрированными замыслом возможной жизни. Человек перестает быть жертвой прошлого (детства, травмирующих событий), жертвой инстинктов, он сориентирован в будущее, способен обнаружить надежду в пространстве возможного.

В связи с этим можно представить себе тот масштаб и число тех недоразумений в психологии и педагогике, к которым привели психоаналитическая, бихевиористская и многие другие теории, отнимающие у человека субъектность, сводящие переживания к ситуации, к инстинкту. Вслед за Л. С. Выготским можно указать, что первичные связи, данные инстинктом, вторичные связи, данные привычкой, снимаются третичными связями, данными логическим мышлением. Это логическое мышление, если мы им пользуемся, является «господином страстей», как любил повторять Б. Спиноза. Если логика теряет приоритет, если она перестает быть первой скрипкой в оркестре психических функций, то она же, как показал

Фрейд на примерах своей врачебной практики, становится слугой страстей (инстинктов и паттернов их удовлетворения): сознание размышляет, а бессознательное управляет. Весь вопрос не в самой логике, а в том, чему служит эта логика, какую ценность она обслуживает. Здесь становится понятным представление Выготского о сознании как о динамической смысловой системе, в которой переживание выступает единицей — целостной актуальной характеристикой жизненной ситуации.

То, что понятийное мышление определяет многое и позволяет вовлекать в переживание всю жизнь человека, иметь мировоззрение и самосознание, быть субъектом жизни, понятно. Но от чего зависит само понятийное мышление? Ответ, в соответствии с принципами культурно-исторической психологии, будет таким: от характеристик той системы значений, которую использует субъект. Группой Выготского предложено специальное понятие при исследовании патологических процессов сознания — «мера общности понятий». Оно характеризует то, в каком контексте живет человек, объектом какой смысловой системы он является. Чем большую обобщающую функцию способно выполнять понятие, тем выше степень эмансипации от воспринимаемого поля. Люди с различной культурой мышления и степенью овладения научными понятиями оказываются в разных жизненных мирах, хотя, как правило, в этом субъекты не отдают. Различные понятийные системы — это разные культурно-специфичные системы значений — прозрачные стекла, через которые исторический человек воспринимает мир как что-то осмысленное и структурированное, но он не видит самих стекол. Человек не может оторвать слово от обозначаемого им предмета или свойства этого предмета. Свобода человека, его игровое пере-

живание возможно, когда стекло становится видимым и является средством восприятия и понимания, средством самого переживания.

Поэтому переживания функционируют только на основе средств, прежде всего, слова, имеющего значение, обобщение. Слово не только обозначает, но в своей обобщающей функции указывает на самое существенное. Значение не только отсылает к предмету, явлению, но и фиксирует его значимость для субъекта. Только в переживании и через переживание человек развивается, так как развиваются используемые им системы значений. Развитие тогда понимается как внутренний процесс, который, конечно же, протекает в социальной среде, обусловлен генетически, но не сводим ни к этим факторам, ни к их конвергенции. Л. С. Выготский резонно замечает, что «развитие есть непрерывный самообуславливаемый процесс, а не марионетка, управляемая дерганьем двух ниточек» [14, с. 389].

Таким образом, сущность категории «переживание» может быть представлена как процесс формирования или

изменения отношения к своему бытию, к отдельным жизненным ситуациям на основе заимствованных у культуры и в культуру же возвращенных, активностью субъекта преобразованных знаково-символических форм и ценностей. В более лаконичном виде переживание можно было бы определить как процесс формирования человеком смыслового поля посредством системы значений. Т. е. переживание всегда либо трансформирует имеющийся, либо порождает новый смысл. Культурные формы и определяют опыт, и «о-пределивают» его, дают очертания идентичности и опору для волеизъявления, делают жизнь свободной, а свободна она именно потому, что оформлена и ограничена. Культурная инструментализация, образование личности есть двунаправленный в этом смысле процесс: ограничивающе-высвобождающий.

Самодвижение развития переживающей личности в пространстве культуры — вот предмет внимания и забот психолога. Сам психолог — агент культуры, который через собственную психологическую культуру, свое переживание, соучастие в судьбе своего визави способствует этому самодвижению в направлении расширения пространства жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кьеркегор, С. Страсти трепет / С. Кьеркегор ; пер. с дат. — М. : Республика, 1993. — 383 с.
2. Гиллгейт, В. Служебная психология / В. Гиллгейт ; пер. с нем. — СПб. : Алетейя, 1996. — 60 с.
3. Гуссерль, Э. Логические исследования / Э. Гуссерль. Т. II. Ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания ; пер. с нем. — М. : Академический проект, 2011. — 565 с.
4. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1994. — 478 с.
5. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. — М. : Смысл, 1999. — 425 с.
6. Фрейд, З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. — М. : Азбука классика, 2005. — 224 с.
7. Перлз, Ф. Практика гештальттерапии / Ф. Перлз. — М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2001. — 480 с.
8. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер Ком, 1999. — 720 с.
9. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий / Б. М. Теплов. — М. : Знание, 1961. — 536 с.
10. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — М. : Просвещение, 1968. — 64 с.
11. Бассин, Ф. В. «Значение» переживания и проблема закономерности психологической закономерности / Ф. В. Бассин // Вопросы психологии. — 1972. — № 3. — С. 105—124.
12. Бассин, Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии / Ф. В. Бассин // Вопросы психологии. — 1971. — № 4. — С. 101—113.
13. Васильюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Васильюк. — М. : Изд-во МГУ, 1984. — 200 с.
14. Выготский, Л. С. Собрание соч. : в 6 т. Т. 4. Детская психология / Л. С. Выготский ; под ред. Д. Б. Эльконина. — М. : Педагогика, 1984. — 432 с.
15. Блок, М. Апология истории / М. Блок [Электрон. ресурс]. — 2010. — Режим доступа: http://theilib.ru/books/blok_mark/apologiya_istorii-read.html — Дата доступа: 25.06.2015.
16. Пергаменщик, Л. А. Профессия психолог: возможности качественного взгляда / Л. А. Пергаменщик // Психологические проблемы профессионального развития и профессионального образования личности : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 20—21 мая 2010 г. / Мозырь. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина ; редкол.: В. В. Валетов (гл. ред.) [и др.]. — Мозырь, 2010. — С. 20—22.
17. Платонов, К. К. Краткий словарь системы психологических понятий / К. К. Платонов. — М. : Высшая школа, 1984. — 174 с.
18. Немов, Р. С. Психология : в 2 кн. Кн. 2 : Психология образования / Р. С. Немов. — М. : Просвещение, 1994. — 606 с.
19. Крюгер, Ф. Сущность эмоциональных переживаний // Психология эмоций : тексты. — М. : Изд-во МГУ, 1984. — С. 108—119.
20. Веккер, Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов / Л. М. Веккер. — М. : Смысл ; PerSe, 2000. — 685 с.